

ДМИТРИЙ НАРКИСОВИЧ МАМИН- СИБИРЯК

СКАЗКА ПРО СЛАВНОГО ЦАРЯ
ГОРОХА И ЕГО ПРЕКРАСНЫХ
ДОЧЕРЕЙ ЦАРЕВНУ КУТАФЬЮ
И ЦАРЕВНУ ГОРОШИНКУ

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=328882

Аннотация

«Баю-баю-баю... Один глазок у Алёнушки (дочь писателя. – Ред.) спит, другой – смотрит; одно ушко у Аленушки спит, другое – слушает. Спи, Аленушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пес Пстойко, и серая Мышка-норушка, и Сверчок за печкой, и пестрый Скворец в клетке, и забияка Петух...»

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку

Присказка

Баю-баю-баю...

Один глазок у Алёнушки (дочь писателя. – Ред.) спит, другой – смотрит; одно ушко у Аленушки спит, другое – слушает.

Спи, Аленушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пес Пстойко, и серая Мышка-норушка, и Сверчок за печкой, и пестрый Скворец в клетке, и забияка Петух.

Спи, Аленушка, сейчас сказка начинается. Вон уже в окно смотрит высокий месяц; вон косою заяц проковылял на своих валенках; волчьи глаза засветились желтыми огоньками; медведь Мишка сосет свою лапу. Подлетел к самому окну старый Воробей, стучит носом о стекло и спрашивает: скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут Аленушкиной сказки.

Один глазок у Аленушки спит, другой – смотрит; одно ушко у Аленушки спит, другое – слушает. Баю-баю-баю...

I

Жил-был, поживал славный царь Горох в своем славном царстве гороховом. Пока был молод царь Горох, больше всего он любил повеселиться. День и ночь веселился, и все другие веселились с ним.

– Ах, какой у нас добрый царь Горох! – говорили все.

А славный царь Горох слушает, бородку поглаживает, и еще ему делается веселее. Любил царь Горох, когда его все хвалили.

Потом любил царь Горох повоевать с соседними королями и другими славными царями. Сидит-сидит, а потом и скажет:

– А не пойти ли нам на царя Пантелея? Что-то он как будто стал зазнаваться на старости лет... Надо

его проучить.

Войска у царя Гороха было достаточно, воеводы были отличные, и все были рады повоевать. Может быть, и самих побьют, а все-таки рады. Счастливо воевал царь Горох и после каждой войны привозил много всякого добра – и золотой казны, и самоцветных камней, и шёлковых тканей, и пленников. Он ничем не брезговал и брал дань всем, что попадало под руку: мука – подавай сюда и муку, дома пригодится; корова – давай и корову, сапоги – давай и сапоги, масло давай и масло в кашу. Даже брал царь Горох дань лыком и веником. Чужая каша всегда слаще своей, и чужим веником лучше париться.

Все иностранные короли и славные цари завидовали удаче царя Гороха, а главное, его веселому характеру. Царь Пантелей, у которого борода была до колен, говорил прямо:

– Хорошо ему жить, славному царю Гороху, когда у него веселый характер. Я отдал бы половину своей бороды, если бы умел так веселиться.

Но совсем счастливых людей не бывает на свете. У каждого найдется какое-нибудь горе. Ни подданные, ни воеводы, ни бояре не знали, что у веселого царя Гороха тоже есть свое горе, да еще не одно, а целых два горя. Знала об этом только одна жена царя Гороха, славная царица Луковна, родная сестра царя Пан-

телея. Царь и царица от всех скрывали свое горе, чтобы народ не стал смеяться над ними. Первое горе заключалось в том, что у славного царя Гороха на правой руке было шесть пальцев. Он таким родился, и это скрывали с самого детства, так что славный царь Горох никогда не снимал с правой руки перчатки. Конечно, шестой палец – пустяки, можно жить и с шестью пальцами, а беда в том, что благодаря этому шестому пальцу царю Гороху всего было мало. Он сам признавался своей царице Луковне:

– Кажется, взял бы всё на свете одному себе... Разве я виноват, что у меня так рука устроена?

– Что же, бери, пока дают, – утешала его царица Луковна. – Ты не виноват. А если добром не отдадут, так можно и силой отнять.

Царица Луковна во всем и всегда соглашалась с своим славным царем Горохом. Воеводы тоже не спорили и верили, что воюют для славы, отбирая чужую кашу и масло. Никто и не подозревал, что у славного царя Гороха шесть пальцев на руке и что он из жадности готов был отнять даже бороду у царя Пантелея, тоже славного и храброго царя.

II

Второе горе славного царя Гороха было, пожалуй,

похуже. Дело в том, что первым у славного царя Гороха родился сын, славный и храбрый царевич Орлик, потом родилась прекрасная царевна Кутафья неопи-санной красоты, а третьей родилась маленькая-ма-ленькая царевна Горошинка, такая маленькая, что жила в коробочке, в которой раньше славная царица Луковна прятала свои сережки. Маленькой царевны Горошинки решительно никто не видал, кроме отца с матерью.

– Что мы с ней будем делать, царица? – спрашивал в ужасе славный царь Горох. – Все люди рождаются, как люди, а наша дочь с горошинку...

– Что же делать – пусть живет... – печально отве-чала царица.

Даже царевич Орлик и прекрасная царевна Кута-фья не знали, что у них есть сестра Горошинка. А мать любила свою Горошинку больше, чем других детей, – тех и другие любят, а эта мила только отцу с мате-рью.

Царевна Горошинка выросла ростом в горошинку и была так же весела, как отец. Ее трудно было удер-жать в коробочке. Царевне хотелось и побегать, и по-играть, и пошалить, как и другим детям. Царица Лу-ковна запиралась в своей комнате, садилась к столу и открывала коробочку. Царевна Горошинка выскаки-вала и начинала веселиться. Стол ей казался целым

полем, по которому она бегала, как другие дети бегают по настоящему полю. Мать протянет руку, и царевна Горошинка едва вскарабкается на нее. Она любила везде прятаться, и мать, бывало, едва ее найдет, а сама боится пошевелиться, чтобы, грешным делом, не раздавить родного детища. Приходил и славный царь Горох полюбоваться на свою царевну Горошинку, и она пряталась у него в бороде, как в лесу.

– Ах, какая она смешная! – удивлялся царь Горох, качая головой.

Маленькая царевна Горошинка тоже удивлялась. Какое всё большое кругом – и отец с матерью, и комнаты, и мебель! Раз она забралась на окно и чуть не умерла от страха, когда увидела бежавшую по улице собаку. Царевна жалобно запищала и спряталась в наперсток, так что царь Горох едва ее нашел.

Всего хуже было то, что, как царевна Горошинка стала подрастать, – ей хотелось всё видеть и всё знать. И то покажи ей, и другое, и третье... Пока была маленькой, так любила играть с мухами и тараканами. Игрушки ей делал сам царь Горох – нечего делать, хоть и царь, а мастера для дочери игрушки. Он так выучился этому делу, что никто другой в государстве не сумел бы сделать такую тележку для царевны Горошинки или другие игрушки. Всего удивительнее было то, что мухи и тараканы тоже любили маленькую ца-

ревну, и она даже каталась на них, как большие люди катаются на лошадях. Были, конечно, и свои неприятности. Раз царевна Горошинка упросила мать взять ее с собой в сад.

– Только одним глазком взглянуть, матушка, какие сады бывают, – упрашивала царевна Горошинка. – Я ничего не сломаю и не испорчу...

– Ах, что я с ней буду делать? – взмолилась царица Луковна.

Однако пошли в сад. Царь Горох стоял настороже, чтобы кто-нибудь не увидал царевны Горошинки, а царица вышла на дорожку и выпустила из коробочки свою дочку. Ужасно обрадовалась царевна Горошинка и долго резвилась на песочке и даже спряталась в колокольчике. Но эта игра чуть не кончилась бедой. Царевна Горошинка забралась в траву, а там сидела толстая, старая лягушка – увидела она маленькую царевну, раскрыла пасть и чуть не проглотила ее, как муху. Хорошо, что вовремя прибежал сам славный царь Горох и раздавил лягушку ногой.

III

Так жил да поживал славный царь Горох. Все думали, что он останется веселым всегда, а вышло не так. Когда родилась царевна Горошинка, он уже был

не молод, а потом начал быстро стариться. На глазах у всех старился славный царь Горох.

Лицо осунулось, пожелтело, глаза ввалились, руки начали трястись, а старого веселья как не бывало. Сильно изменился царь Горох, а с ним вместе приуныло и всё гороховое царство. Да и было отчего приуныть: состарившийся царь Горох сделался подозрительным, всюду видел измену и никому не верил, даже самым любимым боярам и воеводам.

– Никому не верю! – говорил царь Горох им в глаза. – Все вы готовы изменить мне при первом удобном случае, а за спиной, наверно, смеетесь надо мной... Всё знаю! Лучше и не оправдывайтесь.

– Помилуй, славный царь Горох! – взмолились бояре и воеводы. – Да как мы посмеем что-нибудь дурное даже подумать... Все тебя любят, славный царь Горох, и все готовы жизнь свою отдать за тебя.

– Знаю, знаю. Правые люди не будут оправдываться. Вы только то и делаете, что ждете моей смерти.

Все начали бояться славного царя Гороха. Такой был веселый царь, а тут вдруг точно с печи упал – и узнать нельзя. И скуп сделался царь Горох, как Кощей. Сидит и высчитывает, сколько добра у него съели и выпили гости, да, кроме того, сколько еще разных подарков получили. И обидно старику, что столько добра пущено на ветер, и жаль своей царской каз-

ны. Начал царь Горох всех притеснять, каждую денежку высчитывать и даже по утрам сидел в кухне, смотрел, как варят ему щи, чтобы повара не растащили провианта.

– Воры вы все! – корит царь Горох своих поваров. – Только отвернись, вы всю говядину из горшка повытаскаете, а мне одну жижу оставите.

– Смилуйся, царь-государь! – вопили повара и валялись у царя Гороха в ногах. – Да как мы посмеем таскать твою говядину из горшков...

– Знаю, знаю. У меня всё царство вор на воре – воров погоняет.

Дело дошло до того, что славный царь Горох велел при себе и хлеб резать, и сам считал куски, и даже коров доить стал, чтобы не выпили царского молока неверные слуги. Всем пришлось плохо, даже царица Луковна – и та голодала. Плачет, а попросить кусочка хлеба не смеет у царя. Исхудала бедная и только одному радовалась, что ровно ничего не стоило прокормить любимую дочь Горошинку. Царевна Горошинка была сыта крошечками...

"Испортили царя! – думали все. – Какой-нибудь колдун испортил, не иначе дело. Долго ли испортить всякого человека... А какой был у нас славный да веселый царь!.."

А славный царь Горох с каждым днем делался всё

хуже и злее. Начал он людей по тюрьмам сажать, а других прямо казнил. Ходят по всему гороховому царству немилостивые царские пристава, ловят людей и казнят. Чтобы услужить царю Гороху, они выбирали самых богатых, чтобы их именье пошло в царскую казну.

– Однако сколько у меня развелось изменников! – удивляется славный царь Горох. – Это они у меня столько всякого добра наворовали... А я-то по простоте ничего и не замечаю. Еще бы немного, так я бы сам с голоду помер...

IV

С каждым днем славный царь Горох делался всё хуже и хуже, а народ всё искал, кто его испортил. Искали-искали и наконец нашли. Оказалось, что царя испортила его родная дочь, прекрасная Кутафья. Да, она самая... Нашлись люди, которые уверяли, что своими глазами видели, будто она вылетала из дворца, обернувшись сорокой, а то еще хуже – бегала по городу мышью и подслушивала, кто и что болтает про царя. От нее, дескать, и всё зло по гороховому царству пошло. Доказательства были все налицо: славный царь Горох любил только одну прекрасную царевну Кутафью. Он даже прогнал всех своих поваров, а

главного повесил перед кухней, и теперь царское кушанье готовила одна прекрасная царевна Кутафья. Ей только одной верил теперь царь Горох, и никому больше.

– Что нам делать теперь? – жаловались все друг другу. – Домашний враг сильнее всех... Погубит прекрасная царевна Кутафья всё царство. Некуда нам деваться от колдуньи...

Впрочем, оставалась еще одна последняя надежда. О красоте царевны Кутафьи прошла слава по всем землям, и к царю Гороху наезжали женихи со всех сторон. Лиха беда в том, что она всем отказывала. Все не хороши женихи. Но ведь надоест же когда-нибудь ей в девках сидеть, выйдет она замуж, и тогда все вздохнут свободно. Думали, судили, рядили, передумывали, а прекрасная царевна Кутафья и думать ничего не хотела о женихе. Последним наехал к царю Гороху молодой король Косарь, красавец и богатырь, каких поискать, но и он получил отказ, то есть отказал ему сам царь Горох.

– Королевство у тебя маловато, король Косарь, – заявил ему славный царь Горох, поглаживая бородку. – Еле-еле сам сыт, а чем жену будешь кормить?

Обиделся король Косарь, сел на своего коня и сказал на прощанье царю Гороху:

– Из маленького королевства может вырасти и

большое, а из большого царства ничего не останется. Отгадай, что это значит?

Славный царь Горох только посмеялся над хвастовством короля Косаря: молод-де еще, на губах молоко не обсохло!

Царевны, прекрасной Кутафьи, отец даже не спросил, нравится ей жених или не нравится. Не девичье это дело женихов разбирать – отец с матерью лучше знают, кому отдать родное детище.

Прекрасная царевна Кутафья видела из своего терема, как уезжал домой король Косарь, и горько плакала. Пришелся ей к самому сердцу красавец король, да, видно, ничего против воли родительской не поделаешь. Всплакнула и царица Луковна, жалеючи дочь, а сама и пикнуть не смела перед царем.

Не успел славный царь Горох оглянуться, как король Косарь принялся разгадывать свою загадку. Первым делом он пошел войной на царя Пантелея, начал брать города и избил несчетное число народа. Испугался царь Пантелей и стал просить помощи у царя Гороха. Раньше они ссорились, а иной раз и воевали, но в беде некогда разбирать старых счетов. Однако славный царь Горох опять погордился и отказал.

– Управляйся, как знаешь, – сказал он через послов царю Пантелею. Всякому своя рубашка ближе к телу.

Не прошло и полугода, как прибежал и сам царь

Пантелей. У него ничего не осталось, кроме бороды, а его царством завладел король Косарь.

– Напрасно ты мне не помог, – укорял он царя Гороха. – Вместе-то мы его победили бы, а теперь он меня разбил и тебя разобьет.

– Это мы еще увидим, а твой Косарь – молокосос...

V

Завоевав царство Пантелея, король Косарь послал к славному царю Гороху своих послов, которые и сказали:

– Отдай нашему храброму королю Косарю свою дочь, прекрасную царевну Кутафью, а то тебе будет то же, что царю Пантелею.

Рассердился царь Горох и велел казнить Косаревых послов, а самому королю Косарю послал собаку с обрубленным хвостом. Вот, дескать, тебе самая подходящая невеста...

Рассердился и король Косарь и пошел войной на гороховое царство, идет – и народ, словно косой, косит. Сколько сел разорил, сколько городов выжег, сколько народу погубил, а воевод, которых выслал против него царь Горох, в полон взял. Долго ли, коротко ли сказка сказывается, а только король Косарь подступил уже к самой столице, обложил ее кругом, так что

никому ни проходу, ни проезду нет, и опять шлет послов к славному царю Гороху.

– Отдай замуж свою дочь, прекрасную царевну Кутафью, нашему королю Косарю, – говорят послы. – Ты первых послов казнил и нас можешь казнить. Мы люди подневольные.

– Лучше я сам умру, а дочери не отдам вашему королю! – ответил царь Горох. – Пусть сам берет, если сумеет только взять... Я ведь не царь Пантелей.

Хотел славный царь Горох и этих послов казнить, да за них вовремя заступилась сама прекрасная царевна Кутафья. Бросилась она в ноги грозному отцу и начала горько плакать:

– Лучше меня вели казнить, отец, а эти люди не виноваты... Сними с меня голову, только не губи других. Из-за меня, несчастной, напрасно льется кровь и гибнут люди...

– Вот как? Отлично... – ответил славный царь Горох. – Ты отца родного променяла на каких-то послов? Спасибо, доченька... Может быть, тебе хочется замуж за короля Косаря? Ну, этого ты не дождешься! Всё царство загублю, а тебе не бывать за Косарём...

Страшно рассердился царь Горох на любимую дочь и велел посадить ее в высокую-высокую башню, где томились и другие заключенные, а в подвал были посажены Косаревы послы. Народ узнал об этом и тол-

пами приходил к башне, чтобы ругать опальную царевну.

– Отдай нам наши города, взятые королем Косарём! – кричали ей снизу потерявшие от горя голову люди. – Отдай всех, которых убил король Косарь! Из-за тебя мы и сами перемерем все голодной смертью... Ты испортила и своего отца, который раньше не был таким.

Страшно делалось прекрасной царевне Кутафье, когда она слышала такие слова. Ведь ее разорвали бы на мелкие части, если бы она вышла из башни. А чем она виновата? Кому она сделала какое зло? Вот и родной отец ее возненавидел ни за что... Горько и обидно делается царевне, и горько-горько она плачет, день и ночь плачет.

– И для чего я только уродилась красавицей? – причитывала она, ломая руки. – Лучше бы мне родиться каким-нибудь уродом, хромой и горбатой... А теперь все против меня. Ох, лучше бы меня казнил отец!

А в столице уже начинался голод. Голодные люди приходили к башне и кричали:

– Прекрасная царевна Кутафья, дай нам хлеба! Мы умираем с голоду. Если нас не жалеешь, то пожалей наших детей.

VI

Жалела прекрасную царевну Кутафью одна мать. Знала она, что дочка ни в чем не виновна. Все глаза выплакала старая царица Луковна, а мужу ничего не смела сказать. И плакала она потихоньку ото всех, чтобы кто-нибудь не донес царю. Материнское горе видела одна царевна Горошинка и плакала вместе с ней, хотя и не знала, о чем плачет. Очень ей жаль было матери – такая большая женщина и так плачет.

– Мама, скажи, о чем ты плачешь? – спрашивала она. – Ты только скажи, а я попрошу отца... Он всё устроит.

– Ах, ты ничего не понимаешь, Горошинка!

Царица Луковна и не подозревала, что Горошинка знала гораздо больше, чем она думала. Ведь это был не обыкновенный ребенок. Горошинке улыбались цветы, она понимала, о чем говорят мухи, а когда выросла большой, то есть ей исполнилось семнадцать лет, с Горошинкой произошло нечто совершенно необыкновенное, о чем она никому не рассказывала. Стоило ей захотеть – и Горошинка превращалась в муху, в мышку, в маленькую птичку. Это было очень интересно. Горошинка пользовалась тем временем, когда мать спала, и вылетала в окно мухой. Она об-

летела всю столицу и всё рассмотрела. Когда отец заключил прекрасную Кутафью в башню, она пролетела и к ней. Царевна Кутафья сидела у окна и горько-горько плакала. Муха-Горошинка полетала около нее, пожужала и наконец проговорила:

– Не убивайся, сестрица. Утро вечера мудренее...

Царевна Кутафья страшно перепугалась. К ней никого не допускали, а тут вдруг человеческий голос.

– Это я, твоя сестренка Горошинка.

– У меня нет никакой сестрицы...

– А я-то на что?

Горошинка рассказала о себе всё, и сестры поцеловались. Теперь обе плакали от радости и не могли наговориться. Прекрасная царевна Кутафья смущалась только одним: именно, что маленькая сестренка Горошинка умеет превращаться в муху. Значит, она колдунья, а все колдуньи злые.

– Нет, я не колдунья, – объясняла обиженная Горошинка. – А только заколдована кем-то, и на мне положен какой-то зарок, а какой зарок – никто не знает. Что-то я должна сделать, чтобы превратиться в обыкновенную девушку, а что – не знаю.

Прекрасная царевна Кутафья рассказала о всех своих злоключениях: как она жалела отца, который сделался злым, а потом, сколько горя из-за нее терпит теперь всё гороховое царство. А чем она виновата

та, что король Косарь непременно хочет жениться на ней? Он даже и не видал ее ни разу.

– А тебе он нравится, сестрица? – лукаво спросила Горошинка.

Прекрасная царевна Кутафья только опустила глаза и покраснела.

– Раньше нравился... – объяснила она со смущением. – А теперь я его не люблю. Он – злой...

– Хорошо. Понимаю. Ну, утро вечера мудренее...

VII

Всё гороховое царство было встревожено. Во-первых, царевич Орлик попался в плен злому королю Косарю, а во-вторых, исчезла из башни прекрасная царевна Кутафья. Отворили утром тюремщики дверь в комнату царевны Кутафьи, а ее и след простыл. Еще больше удивились они, когда увидели, что у окошка сидит другая девица, сидит и не шелохнется.

– Ты как сюда попала? – удивились тюремщики.

– А так... Вот пришла и сижу.

И девица какая-то особенная – горбатая да рябая, а на самой надето платьишко худенькое, всё в заплатках. Пришли тюремщики в ужас:

– Что ты наделала-то, умница? Ведь расскажит нас славный царь Горох, что не уберегли мы прекрасной

царевны Кутафьи...

Побежали во дворец и объявили всё. Прибежал в башню сам славный царь Горох – так бежал, что и шапку дорогой потерял.

– Всех казню! – кричал он.

– Царь-государь, смилуйся! – вопили тюремщики, валяясь у него в ногах. Что хочешь делай, а мы не виноваты. Видно, посмеялась над нами, бедными, прекрасная царевна Кутафья...

Посмотрел славный царь Горох на рябую девицу, которая как ни в чем не бывало сидела у окошка, и подивился не меньше тюремщиков.

– Да ты откуда взялась-то, красота писаная? – строго спросил он.

– А так... Где была, там ничего не осталось.

Удивляется славный царь Горох, что так смело отвечает ему рябая девица и нисколько его не боится.

– А ну-ка, повернись... – сказал он удивляясь.

Как поднялась девица, все увидели, что она хромая, а платишко на ней едва держится – заплатка на заплате. "Этакую ворону и казнить даже не стоит", подумал славный царь Горох. Собрались тюремщики, тоже смотрят и тоже дивуются.

– Как тебя звать-то, красавица? – спросил царь Горох.

– А как нравится, так и зови... Прежде звали Босо-

ножкой.

– А ты меня не боишься?

– Чего мне тебя бояться, когда ты добрый... Так и все говорят: какой у нас добрый царь Горох!

Много всяких чудес посмотрелся царь Горох, а такого чуда не видывал. Прямо в глаза смеется над ним мудреная девица. Задумался славный царь Горох и даже не пошел домой обедать, а сам остался караулить в башне. Тюремщиков заковали в цепи и отвели в другую тюрьму. Не умели ухранить царской дочери, так пусть сами сидят...

– Скажите царице Луковне, чтобы послала мне сюда щей и каши, – приказал царь Горох. – А я сам буду сторожить. Дело не чисто...

А царица Луковна убивалась у себя во дворце. Плачет, как река льется. Сына в полон взял злой король Косарь, прекрасная дочь Кутафья исчезла, а тут еще пропала царевна Горошинка. Искала-искала ее царица по всем комнатам – нет нигде Горошинки.

"Видно, ее мышь загрызла или воробей заклевал", – думала царица Луковна и еще больше плакала.

VIII

В столице славного царя Гороха и стон, и плач, и

горе, а злой король Косарь веселится в своем стане. Чем хуже славному царю Гороху, тем веселее злому королю Косарю. Каждое утро злой король Косарь пишет письмо, привязывает его к стреле и пускает в город. Его последнее письмо было такое:

"Эй ты, славный царь Горох, немного у тебя закуски осталось, – приходи ко мне, я тебя накормлю. Царю Пантелею я хоть бороду оставил, а у тебя и этого нет – у тебя не борода, а мочалка".

Сидит славный царь Горох в башне, читает королевские письма и даже плачет от злости.

Весь народ, сбжавшийся к столице, страшно голодал. Люди умирали от голода прямо на улице. Теперь уже никто не боялся славного царя Гороха – всё равно умирать. Голодные люди приходили прямо к башне, в которой заперся царь Горох, и ругали его:

– Вот, старый колдун караулит ведьму-дочь. Сжечь их надо, а пепел пустить по ветру. Эй, Горох, выходи лучше добром!

Слушает все эти слова царь Горох и плачет. Зачем он злился и притеснял всех? Пока был добрый – всё было хорошо. Гораздо выгоднее быть добрым. Догадался царь Горох, как следовало жить, да поздно. А тут еще рябая девица сидит у окошечка и поет:

Жил да поживал славный царь Горох,

Победить его никто не мог...

А вся сила в том была,

Что желал он всем добра.

– Правда, правда... – шептал царь Горох, обливаясь слезами.

Потом мудреная девица сказала ему:

– Вот что, славный царь Горох... Не ты меня держишь в башне, а я тебя держу. Понял? Ну, так довольно... Нечего тебе здесь больше делать. Ступай-ка домой – царица Луковна очень соскучилась о тебе. Как придешь домой – собирайся в дорогу. Понял? А я приду за вами...

– Как же я пойду – меня убьют дорогой.

– Никто не убьет. Вот я тебе дам пропуск...

Оторвала девица одну заплатку со своего платья и подала царю. И действительно, дошел царь Горох до самого дворца, и никто его не узнал, даже свои дворцовые слуги. Они даже не хотели его пускать во дворец.

Славный царь Горох хотел было рассердиться и тут же всех казнить, да вовремя припомнил, что добрым быть куда выгоднее. Сдержался царь Горох и сказал слугам:

– Мне бы только увидеть царицу Луковну. Всего одно словечко сказать...

Слуги смилостивились и допустили старика к царице. Когда он шел в царские покои, они сказали ему одно:

– Царица у нас добрая, смотри не вздумай просить у нее хлеба. Она и сама через день теперь ест. А всё из-за проклятого царя Гороха...

Царица Луковна узнала мужа сразу и хотела броситься к нему на шею, но он сделал ей знак и шепнул:

– Бежим скорее. После всё расскажу.

Сборы были короткие – что можно унести в руках. Царица Луковна взяла только одну пустую коробочку, в которой жила Горошинка. Скоро пришла и Босоножка и повела царя с царицей. На улице догнал их царь Пантелей и со слезами заговорил:

– Что же это вы меня одного оставляете?

– Ну идем с нами... – сказала Босоножка. – Веселее вместе идти.

IX

Король Косарь стоял под столицей царя Гороха уже второй год и не хотел брать города приступом, чтобы не губить напрасно своих королевских войск. Всё равно сами сдадутся, когда «досыта наголодаются».

От нечего делать веселится злой король Косарь в своей королевской палатке. Веселится и днем, весе-

лится и ночью. Горят огни, играет музыка, поют песни... Всем весело, только горюют одни пленники, которых охраняет крепкая королевская стража. А среди всех этих пленников больше всех горюет царевич Орлик, красавец Орлик, о котором тосковали все девушки, выдавшие его хотя бы издали. Это был орленок, выпавший из родного гнезда. Но приставленная к царевичу стража стала замечать, что каждое утро прилетает откуда-то белобокая сорока и что-то долго стрекочет по-своему, по-сорочьему, а сама так и вьется над землянкой, в которой сидел пленный царевич. Пробовали стрелять в нее, но никто попасть не мог.

– Это какая-то проклятая птица! – решили все.

Как ни веселился король Косарь, а надоело ему ждать покорности. Послал он в осажденный город стрелу с письмом, а в письме написал царю Гороху, что если города ему не сдадут, то завтра царевич Орлик будет казнен. Ждал король Косарь ответа до самого вечера, да так и не получил его. И в столице не знал еще никто, что славный царь Горох бежал.

– Завтра казнить царевича Орлика! – приказал король Косарь. – Надоело мне ждать. Всех буду казнить, кто только попадется мне в руки. Пусть помнят, какой был король Косарь!

К утру всё было готово для казни. Собралось всё королевское войско смотреть, как будут казнить царе-

вича Орлика. Вот уже загудели уныло трубы, и сторожа вывели царевича. Молодой красавец не трусил, а только с тоской смотрел на родную столицу, стены которой были усыпаны народом. Там уже было известно о казни царевича.

Король Косарь вышел из палатки и махнул платком – это значило, что прощения не будет. Но как раз в это время налетела сорока, взвилась над землянкой пленного царевича и страшно затрещала. Она вилась над самой головой короля Косаря.

– Что это за птица? – рассердился король Косарь.

Придворные бросились отгонять птицу, а она так и лезет – кого в голову клюнет, кого в руку, а кому прямо в глаз норовит попасть. И придворные рассердились. А сорока села на золотую маковку королевской палатки и точно всех дразнит. Начали в нее стрелять, и никто попасть не может.

– Убейте ее! – кричит король Косарь. – Да нет, куда вам... Давайте мне мой лук и стрелы. Я покажу вам, как нужно стрелять...

Натянул король Косарь могучей рукой тугой лук, запела оперенная лебединым пером стрела, и свалилась с маковки сорока.

Тут у всех на глазах свершилось великое чудо. Когда подбежали поднять убитую сороку, на земле лежала с закрытыми глазами девушка неописанной кра-

соты. Все сразу узнали в ней прекрасную царевну Кутафью. Стрела попала ей прямо в левую руку, в самый мизинец. Подбежал сам король Косарь, припал на колени и в ужасе проговорил:

– Девушка-краса, что ты со мной сделала?

Раскрылись чудные девичьи глаза, и прекрасная царевна Кутафья ответила:

– Не вели казнить брата Орлика...

Король Косарь махнув платком, и стража, окружающая царевича, расступилась.

Х

Ведет Босоножка двух царей да царицу Луковну, а они идут да ссорятся. Всё задирает царь Пантелей.

– Ах, какое у меня отличное царство было!.. – хвастается он. – Такого другого царства и нет...

– Вот и врешь, царь Пантелей! – спорит Горох. – Мое было не в пример лучше...

– Нет, мое!..

– Нет, мое!..

Как ни старается царь Горох сделаться добрым, а никак не может. Как тут будешь добрым, когда царь Пантелей говорит, что его царство было лучше?

Опять идут.

– А сколько у меня всякого добра было! – говорит

царь Пантелей. – Одной казны не пересчитаешь. Ни у кого столько не было.

– Опять врешь! – говорит царь Горох. – У меня и добра и казны было больше.

Идут цари и ссорятся. Царица несколько раз дергала царя Гороха за рукав и шептала:

– Перестань, старик... Ведь ты же хотел быть добрым?

– А ежели царь Пантелей мешает мне быть добрым? – сердится славный царь Горох.

Всякий думает о своем, а царица Луковна – всё о детях. Где-то красавец царевич Орлик? Где-то прекрасная царевна Кутафья? Где-то царевна Горошинка? Младшей дочки было ей больше всего жаль. Поди, и косточек не осталось от Горошинки... Идет царица и потихоньку вытирает материнские слезы рукавом.

А цари отдохнут и опять спорят. Спорили-спорили, чуть не подрались. Едва царица Луковна их разняла.

– Перестаньте вы грешить, – уговаривала она их. – Оба лучше... Ничего не осталось, так и хвалиться нечем.

– У меня-то осталось! – озлился славный царь Горох. – Да, осталось... Я и сейчас богаче царя Пантелея.

Рассердился царь Горох, сдернул перчатку с пра-

вой руки, показал царю Пантелею свои шесть пальцев и говорит:

– Что, видел? У тебя пять пальцев всего, а у меня целых шесть – вот и вышло, что я тебя богаче.

– Эх, ты, нашел чем хвалиться! – засмеялся царь Пантелей. – Уж если на то пошло, так у меня одна борода чего стоит...

Долго спорили цари, опять чуть не подрались, но царь Пантелей изнемог, присел на кочку и заплакал. Царю Гороху сделалось вдруг совестно. Зачем он хвастался своими шестью пальцами к довел человека до слез?

– Послушай, царь Пантелей... – заговорил он. – Послушай... брось!..

– Никак не могу бросить, царь Горох.

– Да ты о чем?

– А я есть хочу. Лучше уж было остаться в столице или идти к злому королю Косарю. Всё равно помирать голодную смертью...

Подошла Босоножка и подала царю Пантелею кусок хлеба. Съел его царь Пантелей да как закричит:

– А что же ты, такая-сякая, щей мне не даешь?! По-твоему, цари всухомятку должны есть? Да я тебя сейчас изничтожу...

– Перестань, нехорошо... – уговаривал царь Горох. – Хорошо, когда и кусок хлебца найдется.

XI

Долго ли, коротко ли вздорили цари между собой, потом мирились, потом опять вздорили, а Босоножка идет себе впереди, переваливается на кривых ногах да черемуховой палкой подпирается.

Царица Луковна молчала – боялась, чтобы не было погони, чтобы не убили царя Гороха, а когда ушли подалее и опасность миновала, она стала думать другое. И откуда взялась эта самая Босоножка? И платьишко на ней рваное, и сама она какая-то корявая да еще к тому же хромая. Не нашел царь Горох девицы хуже. Такой-то уродины и близко бы к царскому дворцу не пустили. Начала царица Луковна посерживаться и спрашивает.

– Эй ты, Босоножка, куда это ты нас ведешь?

Цари тоже перестали спорить и тоже накинулись на Босоножку:

– Эй ты, кривая нога, куда нас ведешь?

Босоножка остановилась, посмотрела на них и только улыбнулась. А цари так к ней и подступают: сказывай, куда завела?

– А в гости веду... – ответила Босоножка и еще прибавила: – Как раз к самой свадьбе поспеем.

Тут уж на нее накинулась сама царица Луковна и

начала ее бранить. И такая и сякая – до свадьбы ли теперь, когда у всякого своего горя не расхлебаешь. В глаза смеется Босоножка над всеми.

– Ты у меня смотри! – грозилась царица Луковна. – Я шутить не люблю.

Ничего не сказала Босоножка, а только показала рукой вперед. Теперь все увидели, что стоит впереди громадный город, с каменными стенами, башнями и чудными хоромами, перед городом раскинут стан и несметное войско. Немного струсили цари и даже попятнулись назад, а потом царь Пантелей сказал:

– Э, всё равно, царь Горох! Пойдем... Чему быть – того не миновать, а может, там и покормят. Очень уж я о щях стосковался...

Царь Горох тоже не прочь был закусить, да и царица Луковна проголодалась.

Нечего делать, пошли. Никто и не думает даже, какой это город и чей стан раскинут. Царь Горох идет и корит себя, зачем он хвастался перед царем Пантелеем своими шестью пальцами, – болтлив царь Пантелей и всем расскажет. А царица Луковна начала прихорашиваться и сказала Босоножке:

– Иди-ка ты, чумичка, позади нас, а то еще осрамишь перед добрыми людьми...

Идут дальше. А их уже заметили на стану. Валит навстречу народ, впереди скачут вершники. Приоса-

нились оба царя, а царь Пантелей сказал:

– Ну, теперь дело не одними щами пахнет, а и кашей и киселем... Очень уж я люблю кисель!..

Смотрит царица Луковна и своим глазам не верит. Едет впереди на лихом коне сам красавец царевич Орлик и машет своей шапкой. А за ним едет, тоже на коне, прекрасная царевна Кутафья, а рядом с ней едет злой король Косарь.

– Ну, теперь, кажется, вышла каша-то с маслом... – забормотал испугавшийся царь Пантелей и хотел убежать, но его удержала Босоножка.

Подъехали все, и узнал славный царь Горох родных детей.

– Да ведь это моя столица! – ахнул он, оглядываясь на город.

Спешились царевич Орлик и царевна Кутафья и бросились в ноги отцу и матери. Подошел и король Косарь.

– Ну, что же ты пнем стоишь? – сказал ему славный царь Горох. – От поклону голова не отвалится...

Поклонился злой король Косарь и сказал:

– Бью тебе челом, славный царь Горох!.. Отдай за меня прекрасную царевну Кутафью.

– Ну, это еще посмотрим! – гордо ответил царь Горох.

С великим торжеством повели гостей в королев-

скую палатку. Все их встречали с почетом. Даже царь Пантелей приосанился.

Только когда подходили к палатке, царица Луковна хватилась Босоножки, а ее и след простыл. Искали-искали, ничего не нашли.

– Это была Горошинка, мама, – шепнула царице Луковне прекрасная царевна Кутафья. – Это она всё устроила.

Через три дня была свадьба – прекрасная царевна Кутафья выходила за короля Косаря. Осада с города была снята. Все ели, пили и веселились. Славный царь Горох до того развеселился, что сказал царю Пантелею:

– Давай поцелуемся, царь Пантелей... И из-за чего мы ссорились? Ведь, ежели разобрать, и король Косарь совсем не злой...

XII

Когда царь Горох с царицей Луковной вернулся к себе домой со свадьбы, Босоножка сидела в царицыной комнате и пришивала на свои лохмотья новую заплатку. Царица Луковна так и ахнула.

– Да откуда ты взялась-то, уродина? – рассердилась старуха.

– Вы на свадьбе у сестрицы Кутафьи веселились,

а я здесь свои заплатки чинила.

– Сестрицы?! Да как ты смеешь такие слова выговаривать, негодная!.. Да я велю сейчас тебя в три метлы отсюда выгнать – тогда и узнаешь сестрицу Кутафью...

– Мама, да ведь я твоя дочь – Горошинка!

У царицы Луковны даже руки опустились. Старуха села к столу и горько заплакала. Она только теперь припомнила, что сама Кутафья ей говорила о Горошинке. Весело было на свадьбе, и про Горошинку с радости все и забыли.

– Ох, забыла я про тебя, доченька! – плакалась царица Луковна. – Совсем из памяти вон... А еще Кутафья про тебя мне шепнула. Вот грех какой вышел!..

Но, посмотрев на Босоножку, царица Луковна вдруг опять рассердилась и проговорила:

– Нет, матушка, не похожа ты на мою Горошинку... Ни-ни! Просто взяла да притворилась и назвалась Горошинкой. И Кутафью обманула... Не такая у меня Горошинка была...

– Право, мама, я Горошинка, – уверяла Босоножка со слезами.

– Нет, нет, нет... И не говори лучше. Еще царь Горох узнает и сейчас меня казнить велит...

– Отец у меня добрый!..

– Отец?! Да как ты смеешь такие слова говорить?..

Да я тебя в чулан посажу, чумазую!

Горошинка заплакала. Она же о всех хлопотала, а ее и на свадьбу забыли позвать, да еще родная мать хочет в чулан посадить.

Царица Луковна еще сильнее рассердилась и даже ногами затопала.

– Вот еще горюшко навязалось! – кричала она. – Ну, куда я с тобой денусь? Придет ужо царь Горох, увидит тебя – что я ему скажу? Уходи сейчас же с глаз моих...

– Некуда мне идти, мама...

– Какая я тебе мама!.. Ах ты, чучело гороховое, будет притворяться-то!.. Тоже придумает: дочь!

Царица Луковна и сердилась, и плакала, и решительно не знала, что ей делать. А тут еще, сохрани бог, царь Горох как-нибудь узнает... Вот беда прикачнулась!

Думала-думала старушка и решила послать за дочерью Кутафьей: "Она помоложе, может, что и придумает, а я уже старуха, и взять с меня нечего..."

Недели через три приехала и Кутафья, да еще вместе со своим мужем, королем Косарем. Всё царство обрадовалось, а во дворце поднялся такой пир, что царица Луковна совсем позабыла о Босоножке, то есть не совсем забыла, а всё откладывала разговор с Кутафьей.

"Пусть молодые-то повеселятся да порадуются, –

думала царица Луковна. Покажи им этакую чучелу, так все гости, пожалуй, разбегутся..."

И гости веселились напропалую, а всех больше царь Пантелей – пляшет старик, только борода трясется. Король Косарь отдал ему всё царство назад, и царь Пантелей радовался, точно вчера родился. Он всех обнимал и лез целоваться так, что царь Горох даже немного рассердился:

– Что ты лижешь, Пантелей, точно теленок!

– Голубчик, царь Горохушко, не сердись!.. – повторял царь Пантелей" обнимая старого друга. – Ах, какой ты... Теперь я опять никого не боюсь и хоть сейчас опять готов воевать.

– Ну, это дело ты брось... Прежде я тоже любил повоевать, а теперь ни-ни!.. И так проживем...

Чтобы как-нибудь гости не увидали Босоножки, царица Луковна заперла ее в своей комнате на ключ, и бедная девушка могла любоваться только в окно, как веселились другие. Гостей наехало со всех сторон видимо-невидимо, и было что посмотреть. Когда надоело веселиться в горницах, все гости выходили в сад, где играла веселая музыка, а по вечерам горели разноцветные огни. Царь Горох похаживал среди гостей, разглаживал свою бороду и весело приговаривал:

– Не скучно ли кому? Не обидел ли я кого? Хватает

ли всем вина и еды? Кто умеет веселиться, тот добрый человек...

Босоножка видела из окна, как царь Пантелей с радости подбирал полы своего кафтана и пускался вприсядку. Он так размахивал длинными руками, что походил на мельницу или на летучую мышь. Не утерпела и царица Луковна – тряхнула стариной. Подбоченясь, взмахнула шелковым платочком и поплыла павой, отбивая серебряными каблучками.

– Эх-эх-эх!.. – приговаривала она, помахивая платочком.

– Ай да старуха! – хвалил царь Горох. – Когда я был молодой, так вот как умел плясать, а теперь брюхо не позволяет...

Босоножка смотрела на чужое веселье и плакала: очень уж ей было обидно чужое веселье.

XIII

Сидя у своего окошечка, Босоножка много раз видела сестру, красавицу Кутафью, которая еще более похорошела, как вышла замуж. Раз Кутафья гуляла одна, и Босоножка ей крикнула:

– Сестрица Кутафья, подойдите сюда!

В первый раз Кутафья сделала вид, что не слышала, во второй раз – она взглянула на Босоножку и при-

творилась, что не узнала ее.

– Милая сестрица, да ведь это я, Горошинка!

Красавица Кутафья пошла и пожаловалась матери. Царица Луковна страшно рассердилась, прибежала, выбрала Босоножку и закрыла окно ставнями.

– Ты у меня смотри! – ворчала она. – Вот уж, дай только гостям уехать... Пристало ли тебе, чучеле, с красавицей Кутафьей разговаривать? Только меня напрасно срамишь...

Сидит Босоножка в темноте и опять плачет. Свету только и осталось, что щелочка между ставнями. Нечего делать, от скуки и в щелочку насмотришься. По целым часам Босоножка сидела у окна и смотрела в свою щелочку, как другие веселятся. Смотрела-смотрела и увидела красавца витязя, который приехал на пир случайно. Хорош витязь – лицо белое, глаза соколиные, русые кудри из кольца в кольцо. И молод, и хорош, и удал. Все любят, а другие витязи только завидуют. Нечего сказать, хорош был король Косарь, а этот получше будет. Даже гордая красавица Кутафья не один раз потихоньку взглянула на писаного красавца и вздохнула.

А у бедной Босоножки сердце так и бьется, точно пойманная птичка. Очень уж ей понравился неизвестный витязь. Вот бы за кого она и замуж пошла! Да вся беда в том, что Босоножка не знала, как витязя зо-

вут, а то как-нибудь вырвалась бы из своей тюрьмы и ушла бы к нему. Всё бы ему до капельки рассказала, а он, наверно, пожалел бы ее. Ведь она хорошая, хоть и уродина.

Сколько гости ни пировали, а пришлось разъезжаться по домам. Царя Пантелея увезли совсем пьяного. На прощанье с дочерью царица Луковна вспомнила про свою Босоножку и расплакалась:

– Ах, что я с нею только делать буду, Кутафья!.. И царя Гороха боюсь, и добрых людей будет стыдно, когда узнают.

Красавица Кутафья нахмурила свои соболиные брови и говорит:

– О чем ты плачешь, матушка? Пошли ее в кухню, на самую черную работу вот и всё... Никто и не посмеет думать, что это твоя дочь.

– Да ведь жаль ее, глупую!

– Всех уродов не пережалеешь... Да я и не верю ей, что она твоя дочь. Совсем не в нашу семью: меня добрые люди красавицей называют, и брат Орлик тоже красавец. Откуда же такой-то уродине взяться?

– Говорит, что моя...

– Мало ли что она скажет... А ты ее пошли на кухню, да еще к самому злому повару.

Сказано – сделано. Босоножка очутилась на кухне. Все повара и поварихи покатывались со смеху, глядя

на нее:

– Где это наша царица Луковна отыскала такую красоту? Вот так красавица! Хуже-то во всем гороховом царстве не сыскать.

– И одежонка на ней тоже хороша! – удивлялась повариха, разглядывая Босоножку. – Ворон пугать... Ну и красавица!

А Босоножка была даже рада, что освободилась из своего заточения, хотя ее и заставляли делать самую черную работу – она мыла грязную посуду, таскала помои, мыла полы. Все так ею и помыкали, а особенно поварихи. Только и знают, что покрикивают:

– Эй ты, хромая нога, только даром царский хлеб ешь! А пользы от тебя никакой нет...

Особенно донимала ее старшая повариха, злющая старая баба, у которой во рту словно был не один язык, а целых десять. Случалось не раз, что злая баба и прибьет Босоножку: то кулаком в бок сунет, то за косу дернет. Босоножка всё переносила. Что можно было требовать от чужих людей, когда от нее отказались родная мать и сестра! Спрячется куда-нибудь в уголок и потихоньку плачет только и всего. И пожаловаться некому. Правда, царица Луковна заглядывала несколько раз на кухню и справлялась о ней, но все поварихи и повара кричали в один голос:

– Ленивая-преленивая эта уродина, царица! Ничего

делать не хочет, а только даром царский хлеб ест...

– А вы ее наказывайте, чтобы не ленилась, – говорила царица.

Стали Босоножку наказывать: то без обеда оставят, то запрут в темный чулан, то поколотят.

Больше всего возмущало всех то, что она переносила всё молча, а если и плакала, то потихоньку.

– Это какая-то отчаянная! – возмущались все. – Ее ничем не проймешь... Она еще что-нибудь сделает с нами. Возьмет да дворец подожжет – чего с нее взять, с колченогой!..

Наконец вся дворня вышла из терпения, и все гурьбой пошли жаловаться царице Луковне:

– Возьми ты от нас, царица Луковна, свою уродину. Житья нам не стало с нею. Вот как замаялись с нею все – и не рассказать!

Подумала-подумала царица Луковна, покачала головой и говорит:

– А что я с ней буду делать? Надоело мне слушать про нее...

– Сошли ты ее, царица-матушка, на задний двор. Пусть гусей караулит. Самое это подходящее ей дело.

– В самом деле, послать ее в гусятницы! – обрадовалась царица Луковна. Так и сделаем... По крайней мере, с глаз долой.

XIV

Совсем обрадовалась Босоножка, как сделали ее гусятницей. Правда, кормили ее плохо – на задний двор посылали с царского стола одни объедки, но зато с раннего утра она угоняла своих гусей в поле и там проводила целые дни. Завернет корочку хлеба в платок – вот и весь обед. А как хорошо летом в поле и зеленая травка, и цветочки, и ручейки, и солнышко смотрит с неба так ласково-ласково. Босоножка забывала про свое горе и веселилась, как умела. С нею разговаривали и полевая травка, и цветочки, и бойкие ручейки, и маленькие птички. Для них Босоножка совсем не была уродом, а таким же человеком, как и все другие.

– Ты у нас будешь царицей, – шептали ей цветы.

– Я и то царская дочь, – уверяла Босоножка.

Огорчало Босоножку только одно: каждое утро на задний двор приходил царский повар, выбирал самого жирного гуся и уносил. Очень уж любил царь Горох поесть жирной гусятины. Гуси ужасно роптали на царя Гороха и долго гоготали:

– Го-го-го... ел бы царь Горох всякую другую говядину, а нас бы лучше не трогал. И что мы ему понравились так, несчастные гуси!

Босоножка ничем не могла утешить бедных гусей и даже не смела сказать, что царь Горох совсем добрый человек и никому не желает делать зла. Гуси всё равно бы ей не поверили. Хуже всего было, когда наезжали во дворец гости. Царь Пантелей один съедал целого гуся. Любил старик покушать, хоть и худ был, словно Кощей. Другие гости тоже ели да царя Гороха похваливали. Вот какой добрый да гостеприимный царь... Не то, что король Косарь, у которого много не разгостишься. Красавица Кутафья, как вышла замуж, сделалась такая скупая всего ей было жаль. Ну, гости похлопают глазами и уедут несолоно хлебавши к царю Гороху.

Как-то наехало гостей с разных сторон видимо-невидимо, и захотел царь Горох потешить их молодецкою соколиною охотой. Разбили в чистом поле царскую палатку с золотым верхом, наставили столов, навезли и пива, и браги, и всякого вина, разложили по столам всякую еду. Приехали и гости – женщины в колымагах, а мужчины верхом. Гарцуют на лихих аргамаках, и каждый показывает свою молодецкую удаль. Был среди гостей и тот молодой витязь, который так понравился Босоножке. Звали его Красик-богатырь. Все хорошо ездят, все хорошо показывают свою удаль, а Красик-богатырь – получше всех. Другие витязи и богатыри только завидуют.

– Веселитесь, дорогие гости, – приговаривает царь Горох, – да меня, старика, лихом не поминайте... Кабы не мое толстое брюхо, так я бы показал вам, как надо веселиться. Устарел я немного, чтобы удаль свою показывать... Вот, спросите царицу Луковну, какой я был молодец. Бывало, никто лучше меня на коне не проедет... А из лука как стрелял – раз как пустил стрелу в медведя и прямо в левый глаз попал, а она в правую заднюю ногу вышла.

Царица Луковна вовремя дернула за рукав расхваставшегося мужа, и царь Горох прибавил:

– То бишь, это не медведь был, а заяц...

Тут царица Луковна дернула его опять за рукав, и царь Горох еще раз поправился:

– То бишь, и не заяц, а утка, и попал я ей не в глаз, а прямо-прямо в хвост... Так, Луковна?

– Так, так, царь Горох, – говорит царица. – Вот какой был удалый...

Расхвастались и другие витязи и богатыри, кто как умел. А больше всех расхвастался царь Пантелей.

– Когда я был молодой – теперь мне борода мешает, – так я одною стрелой убил оленя, ястреба и щуку, – рассказывал старик, поглаживая бороду. – Дело прошлое, теперь можно и похвастаться...

Пришлось царице Луковне дернуть за рукав и брата Пантелея, потому как очень уж он начал хвастаться.

Смутился царь Пантелей, заикаться стал:

– Да я... я... Я прежде вот как легок был на ногу: побегу и зайца за хвост поймаю. Вот хоть царя Гороха спросите...

– Врешь ты всё, Пантелей, – отвечает царь Горох. – Очень уж любишь похвастать... да... И прежде хвастал всегда и теперь хвастаешь. Вот со мною действительно был один случай... да... Я верхом на волке целую ночь ездил. Ухватился за уши и сажу... Это все знают... Так, Луковна? Ведь ты помнишь?

– Да будет вам, горе-богатыри! – уговаривала расходившихся стариков царица. – Мало ли что было... Не всё же рассказывать. Пожалуй, и не поверят еще... Может быть, и со мною какие случаи бывали, а я молчу. Поезжайте-ка лучше на охоту...

Загремели медные трубы, и царская охота выступила со Стоянки. Царь Горох и царь Пантелей не могли ехать верхом и тащились за охотниками в колымаге.

– Как я прежде верхом ездил! – со вздохом говорил царь Горох.

– И я тоже... – говорил царь Пантелей.

– Лучше меня никто не умел проехать...

– И я тоже...

– Ну, уж это ты хвастаешь, Пантелей!

– И не думал... Спроси кого угодно.

– И все-таки хвастаешь... Ну, сознайся, Пантелеюшка: прихвастнул малым делом?

Царь Пантелей оглянулся и шепотом спросил:

– А ты, Горохушко?

Царь Горох оглянулся и тоже ответил шепотом:

– Чуть-чуть прибавил, Пантелеюшка... Так, на воробьиный нос.

– И велик же, должно быть, твой воробей!

Царь Горох чуть-чуть не рассердился, но вовремя вспомнил, что нужно быть добрым, и расцеловал Пантелея.

– Какие мы с тобой богатыри, Пантелеюшка!.. Даже всем это удивительно! Куда им, молодым-то, до нас...

XV

Босоножка пасла своих гусей и видела, как тешится царь Горох своею охотой. Слышала она веселые звуки охотничьих рогов, лай собак и веселые окрики могучих богатырей, так красиво скакавших на своих дорогих аргамаках. Видела Босоножка, как царские сокольничьи бросали своих соколов на разную болотную птицу, поднимавшуюся с озера или с реки, на которой она пасла своих гусей. Взлетит сокол кверху и камнем падет на какую-нибудь несчастную утку, только перышки посыплются.

А тут отделился один витязь от царской охоты и несется прямо на нее. Перепугалась Босоножка, что его сокол перебьет ее гусей, и загородила ему дорогу.

– Витязь, не тронь моих гусей! – смело крикнула она и даже замахнулась хворостиной.

Остановился витязь с удивлением, а Босоножка узнала в нем того самого, который понравился ей больше всех.

– Да ты кто такая будешь? – спросил он.

– Я царская дочь...

Засмеялся витязь, оглядывая оборванную Босоножку с ног до головы. Ни дать ни взять, настоящая царская дочь... А главное, смела и даже хворостиной на него замахнулась.

– Вот что, царская дочь, дай-ка мне напиться воды, – сказал он. Разжарился я очень, а слезать с коня неохота...

Пошла Босоножка к реке, зачерпнула воды в деревянный ковш и подала витязю. Тот выпил, вытер усы и говорит:

– Спасибо, красавица... Много я на свете видывал, а такую царскую дочь вижу в первый раз.

Вернулся богатырь на царскую ставку и рассказывает всем о чуде, на которое наехал. Смеются все витязи и могучие богатыри, а у царицы Луковны душа в пятки ушла. Чего она боялась, то и случилось.

– Приведите ее сюда – и посмотрим, – говорит подгулявший царь Пантелей. Даже очень любопытно... Потешимся досыта.

– И что вам за охота на уродину смотреть? – вступилась было царица Луковна.

– А зачем она себя царскою дочерью величает?

Послали сейчас же послов за Босоножкой и привели перед царский шатер. Царь Горох так и покатился со смеху, как увидал ее. И горбатая, и хромая, и вся в заплатках.

– Точно где-то я тебя, умница, видел? – спрашивает он, разглаживая бороду. – Чья ты дочь?

Босоножка смело посмотрела ему в глаза и отвечает:

– Твоя, царь Горох.

Все так и ахнули, а царь Пантелей чуть не задохся от смеху. Ах, какая смешная Босоножка и как осрамила царя Гороха!

– Это я знаю, – нашелся царь Горох. – Все мои подданные – мои дети...

– Нет, я твоя родная дочь Горошинка, – смело ответила Босоножка.

Тут уж не стерпела красавица Кутафья, выскочила и хотела вытолкать Босоножку в шею. Царь Горох тоже хотел рассердиться, но вовремя вспомнил, что он добрый царь, и только расхохотался. И все стали сме-

яться над Босоножкой, а Кутафья так и подступает к ней с кулаками. Все замерли, ожидая, что будет, как вдруг выступил из толпы витязь Красик. Молод и горд был Красик, и стало ему стыдно, что это он подвел бедную девушку, выставил ее на общую потеху, да и обидно притом, что здоровые люди смеются и потешаются над уродцем. Выступил витязь Красик и проговорил:

– Цари, короли, витязи и славные богатыри, дайте слово вымолвить... Девушка не виновата, что она такую родилась, а ведь она такой же человек, как и мы. Это я ее привел на общее посмешище и женюсь на ней.

Подошел витязь Красик к Босоножке, обнял ее и крепко поцеловал.

Тут у всех на глазах случилось великое чудо: Босоножка превратилась в девушку неописанной красоты.

– Да, это моя дочь! – крикнул царь Горох. – Она самая!..

Спало колдовство с Босоножки, потому что полюбил ее первый богатырь, полюбил такую, какую она была.

Я там был, мед-пиво пил, по усам текло – в рот не попало.